

— Ну, а самый удачный день по судаку у меня был вот какой.

— Ездил дизелем один в будний день - я специально оставил себе для зимней рыбалки несколько дней от отпуска. Шёл по льду от Валетников. Погода была исключительная: солнышко, небольшой морозец, абсолютно безветренно. Шёл я не торопясь, ловить начал не заходя особенно далеко, в часе примерно ходьбы от берега. И сразу поймал судака. А потом начались поклёвки, но я никак не мог подсечь, пока не обнаружил, что крючок в блесне болтается и не позволяет сделать подсечку. Сменил блесну и одного за другим вытащил ещё трёх судаков.

— Решил, что надо сматываться и идти к берегу на четырёхчасовой дизель, так как дозволенную норму - пять килограммов - я уже выловил, даже больше, а тащить придётся на себе: в этот раз я был без санок. Так пока я сматывался, пришлось ещё трёх судаков вытащить, которые хватили без блеснения, просто на висящую блесну.

— В два часа я ушёл. На мою лунку тут же уселся мужик, который заметил мои успехи, и когда я, отойдя метров на пятьдесят, обернулся, то увидел, что и он уже выдернул судака из моей лунки.

— Плечи мои трещали, когда я сбросил рюкзак у кассы в Валетниках, но правду говорят - своя ноша не тянет: бодрости во мне было хоть отбавляй. Тем более, что я встретил на берегу Хорюкова, который приехал пятичасовым дизелем и поймал только одного судака. На традиционное: - Ну как? - я скромно ответил:

— - Нормально. Видишь, еле допёр.

— Дома я вывалил всех судаков в таз, где они еле поместились, и, когда Сашуля пришла с работы, я с заслуженной гордостью выслушивал её восторженные ахи. Взвесили судаков безменом, вместе они потянули на одиннадцать с лишним килограммов.

— Вечером я позвонил, как договаривались, Серёже и впервые, кажется, отказался пойти с ним завтра на рыбалку: мол, уже был сегодня, поймал семь штук, пока больше рыбы не надо.

— Себе мы оставили двух самых крупных судаков, а остальных я раздал знакомым, в том числе в кирхе Семёну Дмитриевичу Шадрину, хозяину нашей мастерской, тогда ещё здоровому. Тому самому, по вине которого Иванову отрезало ногу. Вскоре его скрутил рак желудка, он таял на глазах, знал о своей участи, говорил, что сейчас бы как раз и пожить, только жизнь наладилась, а тут умирать...

— Но вернёмся к более весёлым воспоминаниям.

— Уже весной, когда лёд стал совсем ненадёжным и бегать по нему за судаком в открытый залив стало опасно, мы с Хорюковым как-то встретились в дизеле. Оба собрались в Валетники за корюшкой, которая, по слухам, хорошо брала "у шести деревьев". Ориентир этот известный и хорошо виден с залива - шесть деревьев рядком на одинаковом расстоянии друг от друга на дамбе, которая идёт вдоль берега от Валетников к Бальге. Я был без пешни, не обзавёлся ещё новой, но надеялся на то, что на корюшкинских местах обычно много свободных лунок, которые сейчас, весной, уже не замерзали. А Хорюков с пешнёй.

— Мы выскочили из дизеля первыми и оказались во главе небольшой колонны человек из тридцати - на лёд теперь выходили только отчаянные. Хорюков сказал:

— - Пусти меня вперёд, я с пешнёй всё-таки, буду лёд проверять.

— И пошли по узкой тропочке, пока ещё по берегу. Идём, разговариваем, пешню Хорюков на плече несёт. Вот и лёд. Рядом в залив вытекает то ли речка, то ли ручей (где мы с Шагимуратовым когда-то пытались форель ловить), и около устья лёд на заливе уже растаял, большое пятно чистой воды образовалось. А мы идём недалеко от этого места.

— Отошли от камышей метров десять, Хорюков ещё пешню с плеча снять не успел, как - плюх! - и провалился сквозь лёд по бедра. А вслед за ним и я. Шедшие за нами успели среагировать на наши пассажи, остановились и обошли опасное место - подмытый у

берега лёд. Это начинали образовываться забереги - полоса воды между берегом и основным льдом, сначала узкая, а с каждым днём всё расширяющаяся до тех пор, пока ветер не взломает и не разнесёт основной лёд.

— Лёд у берега был уже настолько рыхлым, что выбраться на него оказалось невозможным. Мы с Хорюковым так и месили его до берега, продираясь сквозь камыши к дамбе. Хорюков отчаянно, злобно даже ругался - срывалась рыбалка! - а меня разбирал смех.

— - Пусти, говорит, меня вперёд, с пешней пойдёшь, а сам пешню с плеча даже не снял, первопроходец!

— На дамбе мы развели костёр из камыша, сняли с себя сапоги, штаны, кальсоны, носки. Приплясывая босиком на снегу, вылили из сапог воду, выжали воду из штанин и прочего и расположились кое-как сушиться. Разумеется, для полного просыхания, в особенности ватных штанов, потребовалось бы несколько часов, а за это время можно было и до дома добраться. Поэтому мы ограничились тем, что слегка подсушились, напялили на себя мокрые, но тёплые, даже горячие штаны и носки (на штанах я тогда дыру прожёл) и потопали... к шести деревьям, ловить корюшку.

— На ходу ноги вообще не мёрзли, даже жарко им было, а на льду у лунок пришлось попрыгать. Всё же к четырёхчасовому дизелю я вернулся на берег и уехал домой. А Хорюков остался ещё ловить до вечера. Корюшка тогда клевала хорошо и крупная была. Никаких простуд с нами не случилось, не чихнули даже ни разу.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)